

Политика Китая в отношении Евразийского экономического союза

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва, Россия;

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: в статье исследуется эволюция политики Китая в отношении Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В условиях нарастания противоречий в мировой политике и обострения экономических проблем, расширение взаимодействия с интеграционным объединением отвечало интересам Китая, который так же, как и Россия, нуждался в реализации дополнительных мер, способных поддержать его экономическое развитие. В статье анализируется позиция китайской стороны в отношении интеграционного объединения, которое представляло значительный интерес с точки зрения продвижения экономических интересов. Большое внимание уделено анализу основных документов, которые легли в основу последующего взаимодействия Китая с ЕАЭС. В политике Китая в отношении ЕАЭС выявлен многоуровневый характер отношений. Пекин проводит политику в отношении ЕАЭС, как объединения, и одновременно, реализует курс на расширение отношений с отдельными странами, которые входят в его состав. Основное внимание Пекин уделяет России, как наиболее экономически развитому члену интеграционного объединения. Установлено, что Пекин использовал заинтересованность России в получении дополнительных возможностей в решении экономических проблем, которые возникли после введения санкционной политики со стороны Запада. Сделан вывод, что для России, которая с 2014 года находится под санкционным воздействием коллективного Запада, расширение сотрудничества интеграционного объединения с Китаем приобрело особое значение. В итоге, Китай реализовал поставленные задачи, расширив взаимодействие как с ЕАЭС, так и с отдельными его членами. В статье использован системный анализ, который позволил раскрыть политику Китая в отношении ЕАЭС.

Ключевые слова: Китай, Евразийский экономический союз, Россия, Экономический пояс Шелкового пути, США, ЕС

Для цитирования: Жильцов С.С. Политика Китая в отношении Евразийского экономического союза. *Проблемы постсоветского пространства*. 2026;13(1):8-20. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-8-20>

Поступила 14.01.2026

Принята в печать 15.02.2026

Опубликована 30.03.2026

China's policy towards the Eurasian Economic Union

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia,
serg.serg56@mail.ru

Abstract: the article examines the evolution of China's policy towards the Eurasian Economic Union (EAEU). Amid growing contradictions in global politics and worsening economic problems, expanding cooperation with the integration association was in Beijing's interests. Like Russia, China needed additional measures to support its economic development. In this context, the research analyzes China's position on the integration bloc, which was of significant interest in advancing Chinese economic goals. Special attention is paid to reviewing the key documents that formed the basis for Beijing's subsequent interaction with the EAEU. China's policy concerning the association reveals the multi-layered nature of its relations. Beijing pursues a policy regarding the EAEU as a group while simultaneously implementing a course towards expanding ties with individual member countries. Beijing focuses primarily on Moscow, the most economically developed member of the format. It is highlighted that China used Russia's interest in gaining additional opportunities to address the economic problems that arose following the imposition of Western sanctions. The research concludes that for Russia, which has been under Western restrictions since 2014, expanding cooperation between the integration association and China has acquired particular significance. Ultimately, Beijing has achieved its stated objectives, broadening ties both with the EAEU and with its individual members. The article uses a systems analysis to reveal China's policy towards the EAEU.

Keywords: China, Eurasian Economic Union, Russia, Silk Road Economic Belt, US, EU

For citation: Zhiltsov S.S. China's policy towards the Eurasian Economic Union. *Post-Soviet Issues*. 2026;13(1):8–20. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-8-20>

Received 14.01.2026

Revised 15.02.2026

Published 30.03.2026

ВВЕДЕНИЕ

После подписания документов о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) (2014 г.) и начала его работы с 2015 года, Китай проявлял повышенный интерес к интеграционному объединению. При этом изначально политика Китая в отношении ЕАЭС выстраивалась исходя из потенциала каждого отдельного

участника в интеграционном объединении, прежде всего, его экономических возможностей.

ЕАЭС воспринимался Китаем в качестве интеграционного объединения, где доминирующую роль играет Россия. Соответственно, этим фактором определялось повышенное внимание к российской стороне. Другие страны, например, Белоруссия и Казахстан рассматривались в качестве важных участников ЕАЭС, с которыми Пекин намерен был продолжать или реализовывать новые крупные инфраструктурные проекты, но исключительно на двусторонней основе.

В политике Китая в отношении ЕАЭС преобладала экономическая составляющая, нежели политические факторы. Для китайской стороны было важно получать экономические преференции, позволяющие решать собственные задачи. В то же время, для Китая ключевым аспектом выступала геополитическая составляющая в деятельности ЕАЭС, поскольку функционирование интеграционного объединения изначально было направлено на укрепление позиций России на постсоветском пространстве, снижение возможности для внерегиональных акторов усиливать влияние на отдельные страны. В частности, в 2014 году правительствами России и Китая был создан Комитет по инвестиционному сотрудничеству для развития китайско-российского инвестиционного сотрудничества.

ФОРМИРОВАНИЕ КИТАЕМ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЕАЭС

Практически сразу после начала деятельности ЕАЭС Китай стал налаживать взаимодействие с интеграционным

объединением, формулируя основные принципы своей политики.

В мае 2015 года состоялись переговоры между Китаем и Россией, в ходе которых обсуждались вопросы углубления всеобъемлющего стратегического партнерства в продвижения взаимовыгодного сотрудничества. Переговоры о расширении сотрудничества с Китаем проводились на основании решения Высшего Евразийского экономического совета, принятого 8 мая 2015 года. В них принимали участие представители Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), национальных правительств государств союза, а также эксперты и официальные представители китайских ведомств.

Было принято совместное заявление о сотрудничестве между Экономическим поясом Шелкового пути и ЕАЭС, прежде всего, в энергетической, транспортной, авиационной, финансовой, медиа и других отраслях¹. Обсуждение Китаем комплекса вопросов сотрудничества с ЕАЭС именно с Россией было продиктовано ролью российской экономики в развитии интеграционного объединения. Для Китая было важно заложить основы для реализации своей политики в отношении ЕАЭС, опираясь, прежде всего, на Россию. В свою очередь, российская сторона в 2016 году выдвинула концепцию «Большого Евразийского партнерства». Она стала «ответом на китайскую стратегию, одновременно признавая необходимость сотрудничества и предотвращая асимметрию в отношениях» [1].

Одним из ключевых направлений политики Китая в отношении ЕАЭС выступала энергетическая сфера. При этом, в силу доминирования России в этой сфере в интеграционном объединении, Пекин

¹ Xi Jinping Holds Talks with President Vladimir Putin of Russia. 08.05.2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xw/zyxw/202405/t20240530_11322948.html (дата обращения: 07.01.2026)

основное внимание уделял российскому направлению. Впервые Китай заговорил о проведении целенаправленной энергетической политики 8 мая 2015 года в ходе двусторонних переговоров с Владимиром Путиным. Тогда главы государств присутствовали при подписании ряда договоров о сотрудничестве в энергетической отрасли. В середине того же года министр иностранных дел Ван И отметил, что «лидеры КНР и РФ решили ускорить сотрудничество в крупных стратегических проектах в энергетике».

В декабре 2015 года китайская сторона подчеркивала, что «в условиях мирового снижения цен на сырье Китай готов сотрудничать с Россией, чтобы углублять сотрудничество в области энергетических ресурсов»². Были подписаны двусторонние документы о сотрудничестве в сфере энергетики. В 2016 году были подписаны новые документы о сотрудничестве в энергетической сфере.

В целом, энергетическая политика Китая в отношении ЕАЭС распадалась на отдельные составляющие, которые реализовывались в отношении членов интеграционного объединения. Политика Пекина была сосредоточена на развитии двусторонних отношений со странами-членами ЕАЭС. В сентябре 2016 года Си Цзиньпин вновь подчеркивал, что Китай намерен углублять сотрудничество в области энергетики и ресурсов. Наибольшее внимание Китай по-прежнему уделял России. В апреле 2017 года китайская сторона акцентировала внимание на «необходимости активного продвижения проекта газопровода «Восточный маршрут» и проекта «Ямал СПГ», укрепления сотрудничества в области добычи и переработки

нефти и газа,» газовой энергетики и топлива для газовых двигателей, чтобы добиться лучших результатов в энергетическом сотрудничестве между двумя странами». Затем, в 2019 году был запущен в эксплуатацию газопровод «Сила Сибири-1».

Неотъемлемой составляющей политики Китая в отношении ЕАЭС выступало инвестиционное сотрудничество. С самого начала китайские инвестиции рассматривались Пекином в качестве ключевого механизма влияния на страны, входящие в интеграционное объединение, способствуя проникновению китайского капитала в крупные, и зачастую, стратегически важные отраслевые проекты. Однако китайским инвесторам не сразу дали возможности для укрепления позиций в странах-участниках интеграционного объединения.

В июле 2015 года, на заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Китай добился прогресса, запустив Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Новый банк развития (НБР). Также удалось прийти к компромиссу по ускорению темпов сотрудничества в крупных стратегических проектах в области финансов, энергетики, высокоскоростных железных дорог, электроэнергетики, аэрокосмической отрасли и авиации.

В том же году, в ходе встречи глав правительств КНР и РФ, китайская сторона подчеркивала, что «готова сотрудничать с российской стороной, сделав сотрудничество в области производственных мощностей и машиностроения новым направлением роста, эффективно реализовывать ключевые проекты сотрудничества, повышать инвестиционную активность,

² Терентьева А. Российский ТЭК становится китайским. 17.12.2015. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/12/17/621448-rossiiskii-tek-stanovitsya-kitaiskim> (дата обращения: 23.12.2025)

углублять сотрудничество в области налогового и финансового права, аэрокосмической отрасли, авиации, сельского хозяйства, военной техники и других областях, чтобы интенсифицировать и улучшить практическое сотрудничество между Китаем и Россией»³. Главным итогом встречи стало определение программы развития двусторонних отношений РФ и КНР в рамках ЕАЭС и ОПОП.

В ходе последующих встреч стороны обсуждали итоги инвестиционного сотрудничества в различных областях, определив новые проекты инвестиционного сотрудничества. Были достигнуты договоренности о согласовании проектов в рамках инициативы «Один пояс – Один путь» и ЕАЭС, использовании взаимодополняющих преимуществ сторон в таких областях, как ресурсы, рынки, технологии, капитал и кадры. Стороны строили совместные планы по совместному освоению рынков третьих стран для расширения двустороннего инвестиционного сотрудничества.

Китай проводил целенаправленную инвестиционную политику. Она была направлена на ключевые отрасли российской экономики. Государственные и частные круги Поднебесной ставили своей целью получения доступа к наиболее привлекательным активам на российском рынке. Целью являлось получение влияния в принятии экономических решений в пользу КНР, а также для развития инфраструктуры с возможностью её дальнейшей эксплуатации. При этом Россия не имела четкой инвестиционной стратегии в отношении КНР. К тому же ее финансовые

потоки были в десятки раз меньше китайских. Основными инвесторами на китайском рынке выступают российские ТНК, которые проводят «точечную» инвестиционную политику.

Для проведения инвестиционной политики в отношении остальных членов ЕАЭС Китай в 2015 году осуществил запуск Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). В состав учредителей и участников банка вошли Россия, Казахстан и Кыргызстан.

В целом, Китай продвигал идеи, которые предполагали более широкое и всеобъемлющее сотрудничество между китайским рынком и рынком ЕАЭС. Для реализации намеченных планов китайская сторона инициировала обсуждение сотрудничества с президентами Белоруссии и Казахстана с целью подписания соглашений по всеотраслевому экономическому развитию. Встреча с президентом Белоруссии прошла 2 сентября 2015 года. Китайская сторона подчеркивала, что «стороны должны совместно прилагать усилия для скорейшего получения прибыли от строительства Экономического пояса Шелкового пути и развивать двустороннее всестороннее сотрудничество»⁴. Через год (2 сентября 2016 года) лидер Китая Си Цзиньпин провел переговоры с президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. В ходе встречи китайский лидер подчеркнул, что Китай и Казахстан должны всесторонне продвигать строительство «Пояса и пути» и совместно эффективно реализовывать План китайско-казахстанского сотрудничества по взаимодействию

³ Посол КНР: китайско-российские отношения достигли самого высокого уровня за всю их историю. 11.12.2015. <https://www.interfax.ru/interview/484400?ysclid=ms624iaha2828692073> (дата обращения: 23.12.2025)

⁴ Xi Jinping Meets with President Alexander Lukashenko of Belarus. 02.09.2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/gjhdq_665435/3265_665445/3140_664302/3142_664306/202406/t20240611_11419715.html (дата обращения: 07.01.2026)

в рамках строительства Экономического пояса Шелкового пути и Новой экономической политики «Светлого пути». Речь шла о расширении сотрудничества в области энергетики и ресурсов, торговли, в культурной сфере и гуманитарном сотрудничестве. Для Китая было важно расширить сотрудничество с Казахстаном, упростив торговые и инвестиционные процедуры для китайской стороны⁵.

В целом, Китай стремился расширять взаимодействие со странами ЕАЭС, прежде всего, в торгово-экономической сфере. Результатом стало увеличение товарооборота. Так, в 2017 году торговый оборот между Китаем и странами ЕАЭС возрос и составил 102,7 млрд. долл.⁶ Рост товарооборота Китая со странами, входящими в интеграционное объединение, пришелся на период, когда Пекину было важно поддерживать собственную экономику и продвигать свои интересы в странах, которые входили в формирующийся ЕАЭС.

НОВЫЙ ЭТАП

Прорывом для Китая стало подписание 17 мая 2018 года многостороннего «Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР» [2]. Оно вступило в силу 25 октября 2019 года [3].

Документ стал первым крупным международным соглашением ЕАЭС, включающий в себя одновременно торговое и инвестиционное сотрудничество, развитие инфраструктуры и логистики, обмен опытом и технологиями, а также содействие развитию малому и среднему бизнесу. Данный договор формировал модель отношений, которая отвечала интересам Китая.

Документ закрепил существующий торговый дисбаланс в отношении ЕАЭС, позволив китайскому технологическому импорту постепенно заполнять рынки стран ЕАЭС своей продукцией. Также документ обозначил «переход от соперничества к институционализированному взаимодействию» [4].

Пекин стремился использовать прежде всего торгово-экономические форматы для взаимодействия с ЕАЭС. Отличительной особенностью подписанного документа было то, что Соглашение не носило преференциального характера. В нем не была зафиксирована отмена существующих пошлин или снижение нетарифных барьеров. Главная задача документа состояла в том, чтобы обеспечить прозрачность экономического регулирования. Исходя из этого, и были «прописаны механизмы взаимодействия между различными экономическими субъектами сторон» [5]. Так, в статье 1.2 подчеркивалось «создание основы для дальнейшего развития экономических отношений путем обеспечения сотрудничества и упрощения взаимодействия» [5].

В итоге, подписав данное соглашение, Китай рассчитывал создать правовые основы в сфере торговли с ЕАЭС с учетом правил ВТО. Китайская сторона намеревалась получить дополнительные возможности для продвижения своих интересов в Евразии посредством создания трансконтинентального экономического пространства, основанного на торговле и инвестициях из Пекина.

Китай учитывал в своей политике заинтересованность России к расширению

⁵ Xi Jinping Holds Talks with President Nursultan Nazarbayev of Kazakhstan. 02.09.2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjlb/zjzg_663340/dozys_664276/xwlb_664278/202406/t20240606_11394620.html (дата обращения: 07.01.2026)

⁶ ЕАЭС и Китай: риски сопряжения. 18.10.2018. <https://365info.kz/2018/10/eaes-i-kitaj-riski-sopryazheniya/> (дата обращения: 06.01.2026)

взаимодействия, поскольку отношения Москвы и Запада стремительно ухудшались. Отражением нарастания китайского присутствия на рынках стран ЕАЭС стало изменение торгового баланса. В период 2015–2017 годов наблюдалось положительное сальдо торгового баланса в пользу ЕАЭС. Это было связано с ориентацией интеграционного объединения на поставки ресурсов и ограниченным присутствием китайских товаров. В итоге, экспорт из стран ЕАЭС преобладал над импортом из Китая. В 2017 году положительное сальдо торгового баланса ЕАЭС оценивалось в 12,1 млрд. долларов. Однако уже в 2018 году был зафиксирован торговый дефицит в размере 400 млн. долларов. В 2019 году у ЕАЭС наблюдается торговый дефицит в 900 млн. долларов, в 2020 – уже 6,7 млрд. долларов, в 2021 – 8,1 млрд. долларов.

С этого периода фиксируется постепенное превалирование китайского экспорта в страны ЕАЭС. Примечательно, что в 2019 году Тигран Саркисян, в тот период председатель Коллегии ЕЭК, оценивая риски возрастающей зависимости стран интеграционного объединения от Китая, подчеркивал, что «активное вовлечение стран ЕАЭС в проекты китайского проекта «Один пояс, один путь» нельзя назвать «колонизацией», однако, риски значительного роста зависимости от КНР существуют»⁷.

ПОЛИТИКА КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

К 2020 году политика Китая в отношении ЕАЭС приобрела четкие очертания.

Пекин реализовывал свою политику с каждым из участников интеграционного объединения, пытаясь усиливать свое присутствие на национальных рынках. При этом сами страны ЕАЭС, хотя и видели в Китае привлекательного партнера не торопились открывать ему свои рынки, поскольку к тому времени еще «не созрели условия для такой открытости»⁸.

Китай стремился использовать заинтересованность России в расширении экономического сотрудничества и в формировании долгосрочных политических отношений. «Разворот» на Восток российской политики был связан с усилением антироссийских санкций, которые позволяли Пекину проводить более наступательную политику в отношении России и, в целом, ЕАЭС. Хотя «в обеих странах сохранялись опасения по поводу совместной реализации интеграционных проектов [6]. В целом, Китай предпочитал «гибкий «проектный» подход, который подразумевал двусторонние соглашения между отдельными странами, участвующими в конкретных проектах» [7].

Введение западными странами финансовых и экономических санкций против России после начала Специальной военной операции (СВО) в 2022 году внесло существенные коррективы в политику Китая. Расширение использования логистических маршрутов с европейского на азиатское направление привело к укреплению позиций Китая на рынках ЕАЭС. Это отразилось на объемах взаимной торговли между интеграционным объединением и Китаем. В 2022 году торговый объем между ЕАЭС и КНР составлял

⁷ Тигран Саркисян оценил риски роста зависимости ЕАЭС от Китая. 19.03.2019. <https://eurasia.expert/tigran-sarkisyan-otsenil-riski-rosta-zavisimosti-eaes-ot-kitaya/?ysclid=mrp6wtd4jz706919572> (дата обращения: 27.12.2025)

⁸ Маврина Л. Китай и ЕАЭС координируют стратегии восстановления экономик. 28.10.2020. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/10/28/844995-kitai-eaes?ysclid=mrp6y40xcj108407324> (дата обращения: 23.12.2025)

190 млрд. долларов, а в 2023 году он возрос до 277 млрд. долларов⁹.

ЕАЭС является для Китая весьма значимым транзитным звеном. Географическое положение стран-участниц ЕАЭС позволяет связывать между собой крупнейших экономических акторов мировой политики – ЕС и КНР. Поставки через территорию стран, входящих в интеграционное объединение, позволяет сократить время доставки китайских товаров в Европу с трёх месяцев до двух недель. В 2020 году Китай стал крупнейшим торговым партнёром ЕС, товарооборот между которыми составил 586 млрд. долларов. В 2025 году товарооборот возрос до 820 млрд. долларов. Данное обстоятельство обусловило повышенный интерес Китая к развитию сотрудничества со странами ЕАЭС в транспортно-логистической сфере, но не с интеграционным объединением в целом. Важным элементом политики Китая стал реализация новых транспортных маршрутов, способных в перспективе расширить возможности по доставки грузов на европейский рынок. Сухопутный вариант перемещения товаров из Китая в Европу быстрее морского. Однако морские грузоперевозки, на которые приходится до 90% торговли стран Азиатско-Тихоокеанского региона с ЕС через Суэцкий канал, в два раза дешевле сухопутных. В результате, Китай будет заинтересован в использовании транспортных маршрутов, проходящих через территорию стран-участниц ЕАЭС в случае перевозки дорогостоящих и продовольственных товаров, которые должны будут попадать в страны Европы. В остальных случаях китайская сторона будет задействовать для экспорта своих товаров при помощи морских перевозок.

Несмотря расширяющееся взаимодействие между Китаем и ЕАЭС, действующая модель отношений сталкивается с рядом ограничений. Прежде всего, стоит отметить сохранение структурной асимметрии в торговле. Например, в 2021 году на долю России приходилось 86,3% совокупного ВВП ЕАЭС [8].

Страны интеграционного объединения в основном поставляют в Китай сырьё и полуфабрикаты, а взамен получают промышленную и технологическую продукцию. Подобная система отношений ограничивает потенциал экономической модернизации ЕАЭС, повышая его уязвимость к ценовой конъюнктуре на мировых сырьевых рынках.

Второе ограничение связано с институциональной ограниченностью политического и экономического взаимодействия. Договор ЕАЭС с Китаем был подписан, однако большая часть реального содержания сотрудничества формируется на двустороннем уровне. Соответственно, ЕАЭС зачастую не выступает единым субъектом в переговорах и при реализации проектов. Это снижает потенциал интеграционного объединения, затрудняя формирование единой и общей стратегии в отношении Китая. Однако китайскую сторону подобная ситуация устраивает, поскольку позволяет

Третья проблема заключается в логистической и инвестиционной неравномерности. Россия и Казахстан получают основную долю китайских вложений, тогда как другие государства Союза включены в процессы значительно слабее. При отсутствии механизмов выравнивания это может вести к внутренней диспропорции внутри ЕАЭС и к разной степени заинтересованности его членов в углублении партнёрства с Китаем.

⁹ Маврина Л. Китай и ЕАЭС координируют стратегии восстановления экономик. 28.10.2020. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/10/28/844995-kitai-eaes?ysclid=mrp6y40xcj108407324> (дата обращения: 23.12.2025)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика Китая в отношении ЕАЭС выстраивалась в контексте глобального проекта «Один пояс – один путь». В рамках этой инициативы ключевой задачей для Китая стало предотвращение формирования мощного интеграционного центра, в который бы входили страны-участницы ЕАЭС. В контексте решения данной задачи китайская сторона реализовывала политику, которая предполагала укрепление двусторонних отношений с каждым из участников интеграционного объединения. Соответственно, взаимодействие Китая именно с ЕАЭС незначительно. В свою очередь, ЕАЭС испытывал значительные трудности с формированием и тем более, реализацией единой политики в отношении Китая. Сказывалось слабое взаимодействие внутри самого блока, наличие определенных экономических противоречий, а также влияние внешнего, в том числе, китайского фактора на деятельность интеграционного объединения. Тем более, что в условиях нарастания противоречий в мировой экономике страны ЕАЭС были заинтересованы в получении доступ к инвестиционным ресурсам Китая и его рынкам.

Китайской стороне удалось достичь определенных результатов в реализации политики в отношении ЕАЭС. Прежде всего, Пекин сознательно избегает акцента на расширении сотрудничества с интеграционным объединением, делая акцент на развитии двусторонних отношений с отдельными его членами. При формальном курсе на реализацию политики, направленной на продвижении своих интересов в целом с интеграционным объединением, упор сделан на расширении сотрудничества с отдельными членами ЕАЭС.

Китай в полной мере использовал сложившуюся после 2014 года геополитическую ситуацию, противоречия России

и ЕС, а также сложности экономического и политического развития стран, входящих в интеграционное объединение. Вхождение Крыма в состав России и начало санкционной политики со стороны Запада, положило начало конфронтационному этапу отношений ЕС с Россией. Это оказало влияние не только на политические контакты Москвы и Брюсселя, но и привело к пересмотру геоэкономических приоритетов России. Сложившаяся ситуация дала Пекину дополнительные возможности для дальнейшей экономической экспансии на рынки стран интеграционного объединения.

Важным документом в политике Китая стал План развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года, утвержденный в марте 2023 года. Он фактически перевел политические формулы всеобъемлющего партнерства в перечень конкретных приоритетов: промышленная кооперация, энергетика, транспортные коридоры, логистика, высокие технологии, аграрный сектор и расчеты в национальных валютах.

В белорусско-китайском формате важным политическим документом стало заявление об основных принципах развития образцовых отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства, принятое 1 марта 2023 года. Для Казахстана значима широкая линейка двусторонних документов по инвестициям, логистике и промышленной кооперации, опирающаяся на устойчивую основу дипломатических отношений, установленных еще в 1992 году. В отношении Киргизией значение имели соглашения и договоренности, связанные с финансированием инфраструктуры, долговым регулированием и транспортными проектами, в том числе связанными с реализацией проекта строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан.

Из этого следует принципиальный вывод: политика взаимодействия Китая и ЕАЭС строится на сочетании союзной нормативной рамки и комплекса двусторонних документов. При этом последние обеспечивают значительную часть практического содержания сотрудничества.

Несмотря на высокий уровень фактической взаимозависимости Китая и государств ЕАЭС, институциональный формат их взаимодействия до сих пор остается переходным. С одной стороны, создана договорная база на уровне интеграционного объединения. С другой стороны, ключевые политические решения, инвестиционные проекты и стратегические договоренности по-прежнему реализуются преимущественно в двустороннем формате между КНР и отдельными государствами-членами ЕАЭС. Это порождает вопрос о степени политической субъектности ЕАЭС в отношениях с Китаем и о перспективах перехода от модели «5+1» к модели «1+1», где интеграционное объединение выступало бы полноценным единым партнером КНР.

Политические отношения Китая и ЕАЭС, с упором на двусторонние форматы, следует квалифицировать как устойчивые, прагматические и стратегически значимые, но не достигшие уровня полноформатного наднационального политического союза. Китай признает ЕАЭС в качестве значимого институционального партнера в Евразии и рассматривает интеграционное объединение как один из механизмов упорядочения экономического пространства, через которое проходят ключевые транспортные и производственные связи между Восточной Азией и европейской частью материка.

ЕАЭС не является военно-политическим блоком и не располагает единой внешней политикой в полном смысле этого понятия,

вследствие чего политическая составляющая отношений с Китаем реализуется через сочетание союзного экономического регулирования и двусторонней дипломатии отдельных государств-членов, прежде всего России, Беларуси и Казахстана.

С практической точки зрения можно говорить о трех уровнях политического взаимодействия. Первый уровень – это наднациональный диалог между Евразийской экономической комиссией и китайскими органами государственной власти. Второй уровень – двусторонние отношения КНР с государствами-членами ЕАЭС, с которыми согласуются наиболее важные проекты, связанные с инфраструктурой, энергетикой, инвестициями и расчетами. Наконец, третий уровень – сопряжение более широких макрорегиональных инициатив, таких как «Один пояс, один путь», развитие международных транспортных коридоров и формирование нового экономического контура Большой Евразии. При этом стоит отметить, что в понятие «сопряжение» Китай не вкладывает формирование равноправных отношений. Хотя еще в 2015 году на высшем уровне была закреплена идея сопряжения евразийской интеграции и китайской инициативы «Один пояс, один путь». В тот период это решение скорее стало ответом на потенциальную конкуренцию двух интеграционных проектов. С одной стороны, Россия стремилась реализовывать политику, направленную на внутриэкономическую консолидацию постсоветского пространства в рамках ЕАЭС, с другой стороны – Китай начал реализацию своей стратегии по созданию трансграничной инфраструктуры и логистики.

Сопряжение означало отказ от восприятия проектов как взаимоисключающих или конкурирующих. Вместо конкуренции был предложен подход координации,

в рамках которого ЕАЭС выступал как институциональная рамка регулирования евразийского пространства, а Китай должен был стать источником капитала, рынков, технологических решений и транспортной инициативы. Это позволило перевести дискуссию из плоскости геополитического соперничества в плоскость совместного развития.

В 2024 году товарооборот ЕАЭС и КНР достиг исторического максимума в 291 млрд долларов. Особенность этой динамики состоит в том, что торговля между Китаем и ЕАЭС уже перестала быть периферийным элементом внешнеэкономической политики сторон. Для ЕАЭС Китай выступает системообразующим внешним партнером, а для Китая пространство ЕАЭС является не только рынком, но и транзитным, ресурсным и производственным поясом, непосредственно связанным с устойчивостью его евразийских цепочек поставок.

Важную роль играют созданные механизмы реализации. В частности, действует Совместная комиссия по реализации договора, через которую координируются практические вопросы сотрудничества и согласуются дальнейшие шаги. Функционируют и специализированные треки, включая подкомитет по таможенному сотрудничеству, где обсуждаются цифровизация процедур, информационный обмен и упрощение движения товаров. Так, в 2025 году стороны договаривались о гармонизации стандартов, укреплении торговых связей,

повышении устойчивости цепочек поставок и противодействии торговым барьерам. В частности, 12 ноября того же года прошло пятое заседание Совместной комиссии по реализации Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и Китайской Народной Республикой. Стороны договорились «установить постоянный диалог, направленный на гармонизацию стандартов в сфере низкоуглеродного развития и снижение рисков появления торговых барьеров, связанных с климатическим регулированием»¹⁰. По итогам встречи было решено «подготовить обновленную дорожную карту развития сотрудничества ЕАЭС и КНР»¹¹. Помимо этого, «стороны зафиксировали готовность к установлению диалога по сопряжению инициативы «Один пояс – один путь» и ЕАЭС для выработки совместных действий по направлениям сотрудничества»¹².

На фоне формально успешного развития отношений между ЕАЭС и Китаем, политика Пекина была направлена на реализацию курса, который предусматривал доминирование двусторонних отношений с каждым из участников ЕАЭС, а не с интеграционным объединением в целом. Тем более, что ЕАЭС не вырабатывает общей внешнеполитической линии по многим вопросам, а Китай последовательно избегает форматов, которые могут ограничить его гибкость в работе с отдельными государствами.

¹⁰ ЕАЭС и Китай договорились о гармонизации стандартов и укреплении торговых связей. 13.11.2025. <https://www.ritmearasia.ru/news--2025-11-13--eaes-i-kitaj-dogovorilis-o-garmonizacii-standartov-i-ukreplenii-torgovyh-svjazej-83995?ysclid=ms99dltab198790119> (дата обращения: 19.12.2025)

¹¹ ЕАЭС и Китай согласуют стандарты низкоуглеродного регулирования. 14.11.2025. <https://www.kommersant.ru/doc/8196806?ysclid=ms99dhbpoe187530175> (дата обращения: 23.12.2025)

¹² Там же

ЛИТЕРАТУРА:

1. Смит Д. Ж. Партнёрство или соперничество? Взаимодействие Китая с Россией по вопросам региональной безопасности в рамках ШОС. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2025;27(1):55-65. DOI: 10.24866/1813-3274/2025-1/55-65
2. Апинян Д.С., Сусанян К.Г. ЕАЭС и Китай: партнёрство в современных условиях. *Международная торговля*. 2024;9:33-34. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-9-30-41
3. Гуселетов Б.П. О Дальнейших Перспективах Сопряжения Проектов Экономического Пояса Шелкового Пути и Евразийского Экономического Союза. *Observation and reflection*. 2022:20.
4. Сидоренко Э. Л. Китайская инициатива «Цифровой Шёлковый путь»: направления и перспективы развития, преимущества и риски для России. *Russian Journal of Economics and Law*. 2025;19(1):57-79. DOI: 10.21202/2782-2923.2025.1.57-79
5. Шилина М.Г. Соглашение о торговом-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР: международно-правовой анализ. *Международное право*. 2018;2:17. DOI: 10.25136/2644-5514.2018.2.26701
6. Петровский В., Кулинцев Ю., Ларионова А., Чай Юй, Ван Ч., Цзян Ц. Сопряжение ЕАЭС и ИПП: проблемы и перспективы. 29/2020. Москва: Российский совет по международным делам; 2020. 16 с.
7. Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашениникова Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика. *Сравнительная политика*. 2020;11(2):123-138. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10024.
8. Мога И.С., Горбунова Л.П., Денисова А.В., Пижурина Е.Н., Преснова И.С. Сдерживающие и подталкивающие факторы интеграции Евразийского экономического союза в условиях новейших вызовов глобальной экономики. *Вестник евразийской науки*. 2023;15(2). DOI: 10.15862/41ECVN223

REFERENCES

1. Smith D. J. Partnership or Rivalry? China's Interaction with Russia on Regional Security Issues within the SCO Framework. *Asia-Pacific: Economics, Politics, Law*. 2025;27(1):55-65. DOI: 10.24866/1813-3274/2025-1/55-65 (In Russ.)
2. Apinyan D. S., Susanyan K. G. The EAEU and China: Partnership in Modern Conditions. *International Trade*. 2024;9:33-34. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-9-30-41 (In Russ.)
3. Guseletov B. P. On the Further Prospects of Connecting the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union Projects. *Observation and reflection*. 2022:20 (In Russ.).
4. Sidorenko E. L. China's Digital Silk Road Initiative: Development Directions and Prospects, Advantages and Risks for Russia. *Russian Journal of Economics and Law*. 2025;19(1):57-79. DOI: 10.21202/2782-2923.2025.1.57-79 (In Russ.)
5. Shilina M. G. Agreement on the Trade and Economic Cooperation between the EAEU and China: An International Legal Analysis. *International Law*. 2018; 2:17. DOI:10.25136/2644-5514.2018.2.26701 (In Russ.)
6. Petrovsky V., Kulintsev Yu., Larionova A., Chai Yu., Wang Ch., Jiang Q. Conjugation of the EAEU and the BRI: Problems and Prospects. 29/2020. Moscow: RIAC; 2020. 16 p. (In Russ.)
7. Kashin VB, Pyatachkova AS, Krashenninnikova LS. Chinese Policy on Economic Sanctions: Theory and Practice. *Comparative Politics*. 2020; 11(2):123-138. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10024 (In Russ.)

8. Moga I.S., Gorbunova L.P., Denisova A.V., Pizhurina E.N., Presnova I.S. Constraining and pushing factors of integration of the Eurasian Economic Union in the context of the latest challenges of the global economy. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023;15(2). DOI: 10.15862/41ECVN223 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов

Доктор политических наук,
Дипломатическая академия МГИМО МИД
России, Москва, Россия;
119021, Россия, Москва, ул. Остоженка
53/2, стр. 1;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov

Doctor of Political Sciences,
Diplomatic Academy of MGIMO of the Rus-
sian Ministry of Foreign Affairs, Moscow,
Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow,
119021, Russia;
serg.serg56@mail.ru